

UNIVERSITY OF NIŠ
The scientific journal FACTA UNIVERSITATIS
Series: **Linguistics and Literature** Vol.2, No 6, 1999 pp. 21 - 32
Editor of series: *Nedeljko Bogdanović*, e-mail: nedbog@filfak.ni.ac.yu
Address: Univerzitetski trg 2, 18000 Niš, YU, Tel: +381 18 547-095, Fax: +381 18 547-950
<http://ni.ac.yu/Facta>

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ
А.С. ПУШКИНА "КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА"
(К 200 -летию со дня рождения)**

UDC 882.09-31

Л.И. Раздобудько-Чович

Нови Сад

Резюме. Принципы исторической стилизации в понимании Пушкина были органически чужды и враждебны приемам натуралистического копирования. Натурализм для Пушкина - категория внехудожественная. Отрицая натуралистический принцип археологической реставрации стиля эпохи, пользуясь лишь наиболее типическими и выразительными средствами изображаемого быта, Пушкин достигает необычного характерологического эффекта, вызывая иллюзию полного исторического "правдоподобия."

Создание зрелого литературного языка и "классического стиля" в России совершилось одновременно в едином, хотя и двустороннем процессе. [1] Это находит подтверждение как во многих высказываниях Пушкина и его современников, которые, по сути дела, не разграничивали задачи создания литературного языка и классического стиля, так и в целом ряде подробнейших исследований [2], особенно в фундаментальных трудах В.В. Виноградова, в частности, в его монографии, посвященной стилю Пушкина, в том числе стилю его исторической прозы. [3]

Во многих специальных исследованиях, посвященных как вопросам классического стиля вообще, так и вопросам его становления в русской литературе, ни один из исследователей не мог обойтись без напрашивающегося вывода, что становление классического стиля в русской литературе связано с творчеством Пушкина и что его произведения являются классической мерой русского стилевого развития всей последующей литературы, где основополагающим началом является художественный синтез языка всей предыдущей и современной Пушкину литературы. [4]

Received February 20, 1999

Никто из исследователей не мог так же обойтись без кардинального пушкинского противопоставления структурных особенностей прозы и поэзии:

"Точность и краткость - первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей - без них блестящие выражения ни к чему не служат, стихи - дело другое." /.../ "Прелесть нагой простоты так еще для нас не понятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями..." [5]

"По мысли Пушкина, - отмечает Виноградов, - проза должна быть еще народнее и ближе к безыскусственным формам живого русского языка, чем стих.

...Борьба... за создание новых форм художественной прозы у Пушкина была связана с широким вовлечением в литературу национально-бытового языка... Отсюда вытекал принцип семантического соответствия стиля повествования и описания "духу" воспроизводимого мира, принцип верного изображения лиц, исторических характеров и событий". [6]

"Капитанская дочка" в этом отношении является образцом классической меры в исторической прозе, в структуре которой налицо художественный синтез всей предыдущей и современной Пушкину русской и западно-европейской литератур, равно как и фольклорного и библейского стилей. Образцовыми в "Капитанской дочке" являются принципы и приемы исторической стилизации повествования, которая является умеренной. При этом нужно подчеркнуть, что она проводится не только в речи персонажей, но и в авторском контексте.

В.В. Виноградов подчеркивает, что синтетизм (то есть компоновка материала) предполагал общий глубокий охват целого и выбор из него наиболее типических элементов, способных внушить целостную картину. [7] В этом смысле умеренной, частичной архаизации языка, о которой Пушкин говорит так: "Необходимо только некоторым образом подделаться под древний колорит." [8]

По меткому указанию Ю. М.Тынянова, Пушкин воспроизводит стиль эпохи общим "семантическим колоритом" изображения [9] и не допускает анахронизмы, беспорядочное смешение слов и предметов разных исторических эпох. [10]

"Дух языка" эпохи Пушкин передает при помощи самых разнообразных приемов употребления архаизирующих средств языка. По мнению Пушкина, стиль исторического романа должен быть близок к скупой, "летописной" записи или к лаконичным наброскам дневника, хроники, которые вместе и являются как бы экстрактом из множества исторических документов и которые отражают широкую картину исторической эпохи. Выбором формы мемуаров объясняется особый интерес Пушкина к так называемой "домашней" литературе, к мемуарам, дневникам и тому подобной бытовой словесности. [11] Кроме того, Пушкин считает, что автор должен "воскресить минувший век во всей его истине". [12] Это была борьба за реалистический стиль против карамзинской школы исторического романа. В исторической повести Карамзина колорит эпохи почти вовсе отсутствовал как в языке персонажей, так и в стиле авторского изложения. Попадались лишь случайные указания на отличия культурно-бытового обихода изображаемой среды.

Поиски твердых принципов построения повествовательной прозы в творчестве Пушкина органически связаны с работой над метафизическим, отвлеченным языком, над публицистической, исторической и научной прозой, особенно в процессе его работы над историей Пугачевского восстания. Над "Историей Пугачева" он работал параллельно с написанием романа "Капитанская дочка" в 1834-1835 годах.

Принципы исторической стилизации в понимании Пушкина были органически чужды и враждебны приемам натуралистического копирования. Натурализм для Пушкина - категория внехудожественная. Отрицая натуралистический принцип археологической реставрации стиля эпохи, пользуясь лишь наиболее типическими и выразительными средствами изображаемого быта, Пушкин достигает необычного характерологического эффекта, вызывая иллюзию полного исторического "правдоподобия."

Таким образом, исторический стиль в художественной системе был идеологической основой и конструктивным центром стиля художественного реализма. В концепции Пушкина исторический стиль представлял собою квинтэссенцию прозаического языка. [13]

Замысел исторического романа "Капитанская дочка" относится к началу 1833 года. Одновременно Пушкин возбуждает ходатайство о допущении его к архивным материалам, связанным с восстанием Пугачева. С этого времени он собирает материалы по истории пугачевского движения. В 1834/35 годах Пушкин пишет "Капитанскую дочку", которая была напечатана в 1836 году, в "Современнике", где органически переплетаются семейная хроника и историческое повествование 1773/75 годов. В сюжете этого романа Пушкина особо привлекала судьба героя дворянина-отщепенца, покинувшего ряды своего класса. Исторический фон - пугачевщина - придавал обработке сюжета особый интерес. Для "Капитанской дочки" Пушкин избирает форму мемуара, воспоминаний очевидцев, прямых участников событий, где, кроме образа мемуариста, появляется образ издателя. Пушкин высоко оценивал роль мемуаров как исторических документов и видел в популярности мемуарной литературы "дух времени", общее проявление интереса к истории, требование правды от исторических сочинений. Следует отметить, что Пушкин так умело вводит в текст своих произведений документы, так они органически и естественно входят в текст, что читатель почти их не ощущает. В этом ключ к пониманию пушкинского изображения прошлых исторических эпох. Между временем автора и временем прошлой исторической эпохи в качестве посредника выступают: во-первых, мемуарист Гринев как современник, свидетель и участник, во-вторых, анонимный издатель, нашедший и опубликовавший эти мемуары, который заодно является автором эпиграфов к отдельным главам романа, на фон которых проектируются семейная хроника Гринева и события Пугачевского восстания.

Характеризуя речь действующих лиц "Капитанской дочки" и ее отношение к документальному языку эпохи, еще в конце 19 века, Н. Черняев писал: "В "Капитанской дочке" нет двух действующих лиц, которые говорили бы одинаковым языком: у каждого есть свои оттенки, хотя Пушкин совсем не гонялся за этнографической и иною безусловною точностью и, вообще, воздерживался от приемов прямолинейного реализма... В "Капитанской дочке" мы имеем целый ряд великолепных образцов разговорной и письменной речи прошлого столетия, представляющих постепенные переходы от простонародного говора к литературному языку..." [14].

Каждый из героев говорит своим особым языком, соответствующим уровню его культуры, общественному положению, особенностям его мышления. Таков сжатый и суровый склад речи старика Гринева (где читатель ощущает, что он является представителем предшествующей исторической эпохи в отличие от особенностей

речи Петра Андреича Гринева, на которую влияет современная ему литература), словоохотливая старушечья болтливость Василисы Егоровны, саркастический язык Швабрина. Особой выразительности Пушкин добивается при передаче речи Пугачева, подлинно народной по своей пословичности.

Таким образом, впервые в русском историческом романе применяется национально-исторический принцип речевой характеристики [15] и языковой автохарактеристики персонажа в диахронической перспективе.

Структура и содержание романа "Капитанская дочка" зиждется на ряде архаических устойчивых словесных комплексов (в дальнейшем тексте УСК), составляющих стержень исторического романа.

Архаические фразеологизмы, фразеологизмы с архаическими значениями и архаическими грамматическими формами слов, устойчивые выражения, называющие уже не существующие реалии или вытесненные словами активного словарного фонда, устаревшие пословицы и поговорки - все они вместе представляют собой цельную словесно-художественную систему данного исторического романа и являются корпусом настоящего исследования.

Выявление функции и занимаемого места в повествовательной структуре романа УСК как средств языковой исторической стилизации в двух основных языково-стилистических планах: в авторском контексте и контекстах с монологами и диалогами персонажей - является целью данного исследования. Отдельно и особо рассматривается функция эпиграфов с архаизирующими компонентами. Итак, предметом рассмотрения исторической стилизации в данной работе являются:

- I. УСК в диахроническом срезе.
 - II. Эпиграфы как фон, на который проецируются события семейной хроники и восстания Пугачева.
 - III. УСК в подлинных исторических документах.
 - IV. Всевременные фольклорные элементы.
- Переходим к подробному рассмотрению каждого из 4 пластов:

I. УСК с архаическими элементами в своей структуре или в значении образуют основное ядро русской идиоматики, характеризующей национальное своеобразие и богатство русского языка. [16] После проведенного тщательного анализа выбранного корпуса - архаичных устойчивых словесных комплексов, общая функция которых - передача колорита исторической эпохи и создание иллюзии достоверности, - было выделено 5 групп: 1. устаревшие фразеологизмы - "исторические неологизмы", 2. архаические фразеологизмы, неограниченные рамками Пугачевского восстания, 3. фразеологизмы с архаизирующим компонентом, 4. фразеологизмы - архаичные для современного восприятия и 5. контекстуальные архаичные фразеологизмы.

В основу данной классификации материала положен принцип уменьшения степени архаичности: от "подлинных" архаичных УСК, связанных с Пугачевским восстанием, до "мнимых", контекстуальных, которые являются общеупотребительными с точки зрения современного русского языка.

Итак, переходим к подробному анализу каждой группы:

1. В первую группу входят УСК, являющиеся "историческими неологизмами", появившимися во время Пугачевского восстания и вышедшими из употребления

после его подавления. Время их существования ограничено. Например, ФЕ **остричь в кружок** является "историческим неологизмом" пугачевского времени. Так подстригались участники Пугачевского восстания или подстригали тех, кто переходил в их ряды. Это был ритуал при принятии присяги. Раскаивавшиеся "подходили один за другим, целуя распятие, потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. [17] (гл. "Приступ", с.309.).

Фразеологизм **остричь в кружок** встречается в романе трижды и является так называемым "корабельным образом", то есть одной из нескольких архаических доминант, несущих характерологическую функцию эпохи Пугачевского восстания в целом:

- во-первых, при описании внешности Пугачева подчеркивается его необычная прическа: "Волосы **были острижены в кружок**; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары..." (гл. "Вожатый", с.270);

- во-вторых, в эпизоде со Швабриным - одним из героев, который перешел в стан Пугачева, - рассказчик тоже указывает на такую же прическу, как и у Пугачева: "Тогда, к неописуемому моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, **обстриженного в кружок** и в казацком кафтане" (гл. "Приступ", с.308);

- в-третьих, об этом же Швабрине с негодованием и осуждением, как о изменнике (воре), говорит попадьа: "...А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь **остригся в кружок** и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать!" (гл. "Незванный гость", с.311).

Ср.: в тексте "История Пугачева" (18) данный фразеологизм заменяется описательной формой **остричь по-казацки**: "И велел его (капитана Башарина) так же, как и солдат, **остричь по-казацки**, а раненых отвезти в крепость ("ИП", с.141); из показаний жены Пугачева Софьи Дмитриевой: "На лице имеет желтые конопатины, сам собою смугловат, волосы на голове темно-русые, **по-казацки подстригал...**" ("ИП", Примечания автора, с.218); "Все офицеры были повешаны. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и растреляны картечью. Прочие **острижены по-казацки** и присоединены к мятежникам ("ИП", с.123).

2. К фразеологизмам первой группы примыкает ряд архаических фразеологических единиц (ФЕ) с более длительным периодом употребления, не ограниченных рамками Пугачевского восстания, связанных со всем дореволюционным укладом жизни. Это ФЕ: **постоялый двор, приказная изба, честь и место, коллежский советник, благодетельный указ** ит.д. Они составляют вторую группу.

Например, ФЕ **постоялый двор** в значении "помещение для ночлега со двором для лошадей и экипажей проезжающих" (19): "Куда приехали?- спросил я, протирая глаза. **-На постоялый двор...** Выходи, сударь, скорее да обогрейся" (гл. "Вожатый", с.270); **приказная изба** в значении "присутственное место, полицейская канцелярия": "По распоряжению Хлопуши, караульный отвел меня в **приказную избу**, где я нашел Савельича" (гл. "Мятежная слобода", с. 335); **честь и место** - "удостоить вниманием": Добро пожаловать, **честь и место**, милости просим." (гл. "Незванный гость", с. 313) и др.

3. ФЕ третьей группы - это фразеологизмы с архаизирующим компонентом. В данной группе выделяются несколько подгрупп:

а/ фразеологизмы с лексическим архаизмом: **положить живот** - "умереть, погибнуть": "...не в честном бою **положил** ты свой **живот**, а сгинул от беглого каторжника!" (гл. "Приступ", с.309); **в животе и смерти**: "Иван Кузьмич, в **животе и смерти** бог волен: благослови Машу" (гл. "Приступ", с.306); **подать челобитье** - "подать письменное прошение": "...я не даром **подал** мошеннику **челобитье**..." (гл. "Разлука", с.321);

б/ фразеологизмы с фонетическим архаизмом: **взять в полон** (в плен). Существительное древнерусского происхождения употреблено вместо современного, заимствованного из церковнославянского **плен**:

"..Сорок енералов убито, четыре армии **взято в полон**" (гл. "Мятежная слобода", с. 337);

в/ фразеологизмы с архаичными падежными формами: **с часу на час, час от часу не легче, понюхает пороху, господи владыко** и др. Например, "...нет, пусть он послужит в армии, да потянет ляжку, да **понюхает пороху**..." (гл. "Сержант гвардии", с.261); УСК **господи владыко** имеет значение: "восклицание, выражающее чувства удивления, неожиданности, досады." Эта звательная падежная форма была утрачена еще в 14 веке: "**Господи владыко!** - простонал мой Савельич.- Заячий тулуп почти новешенький!" (гл. "Вожатый", с.272).

г/ ФЕ с архаичными употреблениями числа: **ходить на турку или на шведа (под турку и под шведа)**: "И добро бы уж **ходил ты на турку или на шведа**, а то грех и сказать на кого." (гл. "Мятежная слобода", с.329).

д/ ФЕ с архаичным управлением в своей структуре: **что греха таить...** (Пугачев): "Был тулуп, да **что греха таить?** заложил вечер у целовальника" (гл. "Вожатый", с.270); **конь о четырех ногах да спотыкается**: "А что с ним случилось такая оказия, то былъ молодцу не укора: **конь и о четырех ногах, да спотыкается**" (гл. "Любовь", с. 293).

ж/ ФЕ с архаичными глагольными формами: **стерпится, слюбится** - "привыкнув, перестать замечать неприятные стороны чего-нибудь, претерпеться": "...А ты, мой батюшка,- продолжала она, обращаясь ко мне, не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты и последний. **Стерпится, слюбится**..." (гл. "Крепость", с. 275).

4. Четвертая группа - это ФЕ, являющиеся для современного восприятия архаичными, а в пушкинскую и последующие эпохи они были общеупотребительными. Например, ФЕ **отдать на руки** - "отдать на воспитание": "С пятилетнего возраста **отдан я был на руки** стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки." (гл. "Сержант гвардии", с. 258); **нанимать в дядьки**: "И нужно было нанимать в дядьки бусурмана, как будто у барина не стало и своих людей!" (гл. "Сержант гвардии", с.263); **заложить лошадей** - "запрячь, впрячь лошадей в экипаж, в повозку": "Ямщики мигом **заложили лошадей**.. (гл. "Сирота", с.344); **кинуться в ноги** - "признаться в чем-либо": "Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время **кинуться** матушке **в ноги**, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность." (гл. "Сержант гвардии", с. 259) и др.

5. В пятую группу входят контекстуальные, "мнимые" УСК. В отличие от предыдущих, где организующим является фразеологизм, для этих УСК релевантен весь контекст. Это самый богатый и многочисленный пласт. Буквально все

общеупотребительные ФЕ разговорно-бытового характера, попадая в архаическое окружение, сами становятся архаическими. Это - "безвозрастные" ФЕ, несвязанные строго определенными временными рамками и поэтому не подвергавшиеся каким-либо изменениям во времени. Они имеют самые разнообразные оттенки значений и выступают в функции передачи исторического колорита эпохи. Например: "Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, **в рот ничего не изволила брать**" (гл. "Сержант гвардии", с.263). ФЕ **в рот ничего ни брать**, в значении "не пить спиртного", воспринимается как устаревшая из-за введения архаического глагола **изволить** и устаревших наименований **батюшка, матушка**. Таким образом, архаические фразеологизмы, являясь стилиобразующими элементами исторического романа, создают исторический колорит эпохи и служат речевой автохарактеристикой героев. Один из современников Пушкина пишет: "Пушкин не переносит к нам своих героев: он нас самих переносит к ним, с его ковра -самолета мы сходим в страну и в столетие, в которых они жили и действовали..." (20)

Исторический фон Пугачевского восстания, являясь как бы его имплицитной основой, происходящих событий, определяет появление большого количества устаревших фразеологизмов военного содержания. В начале романа они, как бы незначай, появляются при описании обычных бытовых сцен. Затем частотность их увеличивается, и наибольшее количество находится в главах "Пугачевщина" и "Приступ". Приведем несколько примеров для иллюстрации:

"...Нет, пускай послужит он в армии, **да потянет ляжку, да понюхает пороху**, да будет солдат, а не шаматон."- говорит отец главного героя-мемуариста Петра Гринева, отправляя своего сына на службу в армию. (гл "Сержант гвардии", с.261). ФЕ **тянуть ляжку** имеет значение "заниматься тяжелым, неприятным, надоедливой делом". Что касается фразеологизма **пороху не нюхал** со значением "не участвовал в военных действиях", то он выступает в тексте в несколько трансформированном виде - **понюхать пороху**, что значит "участвовать в военных действиях".

"-Что смеет еще нам предлагать! Выйти к нему навстречу и **положить к ногам** его знамена!"(гл."Пугачевщина", с. 300). ФЕ **положить к ногам** имеет значение "сдаться".

"-Долг наш **защищать** крепость **до последнего нашего издыхания...**" (гл. "Пугачевщина",с.302).

"...когда **возьмут фортецию приступом**" (гл. "Пугачевщина", с.302) (**фортеция - крепость**, слово заимствовано в Петровскую эпоху).

"...Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты **взяты в полон**" (гл. "Пугачевщина", с.302).(См. объяснение этого ФЕ на с.6).

"Умирать, так умирать: **дело служивое!**" (гл. "Приступ", с.307) ФЕ **дело служивое** имеет значение "связанный с военной службой, с выполнением воинских обязанностей".

"...гарнизон **бросил ружья..**" (гл. "Приступ", с. 307) ФЕ **бросить ружья** - значит "сдаться".

"Гарнизон **стоял в ружье**". (гл."Приступ", с.305) ФЕ **стоять в ружье** - в значении - "в полном вооружении, в боевом строю".

"Солдаты громко **изъявили усердие**" (гл. Приступ", с.305). ФЕ **изъявить усердие** имеет значение "высказать, выразить что-нибудь".

Выше приведенные архаические фразеологизмы, обозначающие военные реалии и создающие определенный фон для исторической темы, часто сопровождаются целым рядом просторечных слов с фамильярным оттенком, типа **детушки**, **матушка**, **ребятки**, и лишней раз усиливают иллюзию достоверности колорита эпохи. Например: "Комендант обошел свое войско, говоря солдатам: "Ну, **детушки**, постоим сегодня за **матушку** государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!" Солдаты громко **изъявили усердие**." (гл. "Приступ", с.305).

П. Роман, как уже было отмечено, написан в форме мемуаров, семейной хроники. И это излюбленный прием Пушкина, которым он удачно пользовался и в "Повестях Белкина". Рассказчиком "Капитанской дочки" является Петр Андреевич Гринев - один из героев происходящих событий. Кроме образа мемуариста, появляется еще - посредник между описываемыми событиями и автором - это издатель, которому принадлежат все эпиграфы к отдельным главам романа. На наш взгляд, они заслуживают особое внимание как средство исторической стилизации. Ими осложняется эпическая структура романа, так как они представляют собой не менее важное средство исторической стилизации, чем и предыдущие пять групп архаических УСК в тексте мемуаров.

Если внимательно присмотреться к функциям эпиграфов, которые помещены в начале каждой главы, то легко заметить, что при всем разнообразии их функций у них есть одна общая черта. Они раскрывают, освещают и осмысливают, пародически или иронически, повествование, подготавливая читателя к сравнительной оценке содержания или стиля данной главы, а также приемов изображения быта с точки зрения иных типичных для других эпох литературных норм и образов, которые даны в эпиграфах. Кроме того, у них есть еще одна функция: эпиграфы как бы проецируют образы каждой главы романа на фон другого исторического стиля: во-первых, русского классицистического стиля из произведений Княжнина, Фонвизина, Хераскова, Сумарокова; во-вторых, народно-поэтического, фольклорного, в виде цитат из старинных песен и пословиц. Тем самым устанавливается связь времени, конкретного исторического, с временем иным, более отдаленным, даже "мифологическим". Приведем несколько примеров.

Эпиграфы из произведений представителей русского классицистического стиля:

Глава I.

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ

-Был бы гвардии он завтра ж капитан.

-Того не надобно: пусть в армии послужит.

-Изрядно сказано! пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин;

Глава X

ОСАДА ГОРОДА

Заняв луга и горы,

С вершины, как орел, бросал на град он взоры,

За станом повелел соорудить раскат

И, в нем перуны скрыв, в нощи привезь под град.
Херасков;

Глава XI

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
"За чем пожаловать изволил в мой вертеп?" -

Спросил он ласково.

А. Сумароков.

Эпиграфы из русского фольклора:

Глава II

ВОЖАТЫЙ

Сторона ль моя, сторонушка,

Сторона незнакомая!

Что не сам ли я на тебя зашел,

Что не добрый ли да меня конь

завез:

Завезла меня, доброго молодца,

Прытость, бодрость молодецкая

И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня;

Глава III

КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции живем,

Хлеб едим и воду пьем; А как лютые враги Придут к нам на
пироги,

Зададим гостям пирушку:

Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня;

Глава VIII

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Незванный гость хуже татарина.

Пословица;

Глава XII

СИРОТА

Как у нашей у яблонки

Ни верхушки нет, ни

отросточек;

Ни отца нету, ни матери,

Как у нашей у княгинюшки

Снарядить-то ее некому,

Благословить-то ее некому

Свадебная песня.

Особое внимание заслуживает пословица - эпитафия ко всему роману: **береги честь смолоду**, которая дана в усеченном виде, а в тексте романа повторяется полностью в напутствии отца Гринева: "Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: **береги платье снову, а честь с молоду**".

III. Следующий рассматриваемый нами пласт УСК в отрезках текста, которые взяты непосредственно из оригинальных документов эпохи (например, из деловой переписки), и лишь с некоторыми поправками инкрустированы в текст романа. В этом случае речь идет не об архаизации, а, наоборот, об обратном процессе - деархаизации, при помощи так называемого, внутриязыкового перевода, то есть о замене слишком старых слов и выражений документа, непонятных современному читателю, элементами общеупотребительными, которые составляют вневременное ядро языка, не подлежащее изменениям во времени. Из ряда писем, встречающихся в романе, в качестве иллюстрации приводим пример с очень "густой" архаизацией - письмо генерала к коменданту крепости Миронову:

"Господину коменданту Белгородской крепости капитану Миронову

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, **учиня** непростительную **дерзость** **принятием на себя имени** покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, **произвел возмущение** в яцких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, **производя** везде **грабежи** и **смертные убийства**. Того ради, с **получением сего**, имеете вы, господин капитан, немедленно **принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея** и самозванца, а **буде можно и совершенному уничтожению онога**, если он **обратится на крепость, вверенную вашему попечению**." (гл. "Пугачевщина", с.296).

IV. Значительное место в тексте романа занимают те отрезки текста, в которых проведена почти сплошная стилизация под фольклор, хотя они характерны лишь не только для Пугачевского времени, но и для исторического прошлого так такового, и выполняют одну и ту же функцию, что и примеры из деловой переписки - "подлинных" голосов эпохи. Например, плач жены коменданта по убитому мужу:

"Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу." Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. "Злодеи! - закричала она в испуге. - Что это вы с ним сделали? **Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!"** (гл."Приступ", с.309.).

Особое внимание заслуживают устаревшие пословицы и поговорки в романе, что может послужить предметом отдельного исследования. Перечислим лишь некоторые из них: **кто ни поп, тот батька; быть молодцу не укора, брань на вороту не виснет, худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров; береги платье снову, а честь смолоду; господь не выдаст, свинья не съест; с лихой собаки хоть шерсти клок; конь о четырех ногах, да спотыкается** и др. Их основная функция - усилительно-гиперболизирующая - служит как дополнительная архаизация текста романа.

Таким образом, приемы исторической стилизации в романе Пушкина исключительно разнообразны. Устаревшие УСК четко распределяются в зависимости от содержания и структуры романа. Они являются своеобразными "ключевыми" звеньями, на остриях которых основывается вся композиция романа. Это:

1. устаревшие УСК - "исторические неологизмы",
2. архаические ФЕ, неограниченные рамками Пугачевского восстания,
3. ФЕ с архаизирующим компонентом,
4. ФЕ - архаичные для современного восприятия,
5. контекстуальные архаические ФЕ,
6. эпиграфы как особое средство исторической стилизации,
7. документальные инкрустации из деловой переписки,
8. УСК фольклорного происхождения, выступающие в функции достоверных "голосов эпохи".

ЛИТЕРАТУРА

1. Типология стилового развития нового времени. М.: АН СССР, 1986, с.65-95.
2. Историјски роман. Зборник радова. Београд-Сараево, 1992-96;
3. *Б.Човић*. Стил историјске прозе *А.Н.Толстоја*. Нови-Сад, 1991.
4. *В.В.Виноградов*. Стил Пушкина. М:"Гослитиздат", 1941.
5. *В.В.Кожин*. Становление классического стиля в русской литературе. в кн.: Типология стилового развития нового времени. М., 1986, с.65-95.
6. Цит. по указ соч. *Виноградова*, с.518.
7. См. указ. соч. *Виноградова*, с.518-519.
8. См. указ. соч. *Виноградова*, с.523.
9. См. указ. соч. *Виноградова*, с.520.
10. См. указ. соч. *Виноградова*, с.520.
11. См. указ. соч. *Виноградова*, с.520.
12. См. указ. соч. *Виноградова*, с.523.
13. См. указ соч. *Виноградова*, с.519.
14. См. указ соч. *Виноградова*, с.522-526.
15. Цит. по указ. соч. *Виноградова*, с.526..
16. *С.Петров*, Реалистический исторический роман *А.С. Пушкина* "Капитанская дочка". В кн.:Русский исторический роман 19 века. М.: "Художественная литература",1964,с. 214.
17. *Р.Н.Попов*.Фразеологизмы современного русского языка с архаическими значениями и формами слов. М: "Высшая школа", 1976, с.4-5.
18. Все цитаты из романа "Капитанская дочка" и "История Пугачева" даны: *А.С.Пушкин*. Полное собрание сочинений:"Художественная литература",Ленинград, Наука, 1978, т.6,8.
19. См. "История Пугачева", т.8,с.141.
20. Значения устаревших УСК даются по:Словарь языка А.С. Пушкина в четырех томах. М.:Государственное из-во иностранных и национальных словарей,1956-61.
21. *И.Иванчин-Писарев*. Отечественная галерея. М.,1832,ч.2, с.112-120. Цит. по указ. соч. *Виноградова*,с.524

**ПРИЛОГ ПРОУЧАВАЊУ ПИТАЊА ИСТОРИЈСКЕ
СТИЛИЗАЦИЈЕ У РОМАНУ
"КАПЕТАНОВА КЋИ" А.С. ПУШКИНА
(Уз 200 - годишницу рођења)**

Л.И. Раздобудько-Чович

У овом раду разматра се низ питања која се тичу принципа и поступака историјске стилизације, као и језичко-стилистичких средстава (пре свега устаљених фраза са архаичном компонентом, структуром или значењем) у функцији преношења колорита историјске епохе друге половине 18. века и стварања илузије аутентичности језика у сликању карактера јунака и њихове психологије.

Основни циљ ових истраживања је одређивање функције архаичних устаљених фраза (АУФ) и њиховог места у приповедачкој структури романа А.С. Пушкина "Капетанова кћи" као једног од средстава историјске стилизације, и то у два основна језичко-стилистичка плана: у тзв. ауторовом контексту и у говору јунака.

Посебно место у овом раду заузима питање функције многобројних епиграфа са архаичним компонентама сваке врсте што прате сваку од 14 глава овога романа.

После детаљне и минуциозне анализе аутор издваја 4 основне групе: 1) АУФ у дијахронском пресеку, 2) епиграфи као фон, на који се пројектују догађаји породичне хронике и Пугачовљевог устанка, 3) АУФ у аутентичним историјским документима, и, најзад, 4) панхронјски, односно свевременски фолклорни елементи, - а све у функцији било "правих", било "тобожних" средстава историјске стилизације у "Капетановој кћери" А. Пушкина.

